

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-72-89>
<https://elibrary.ru/TLMBPD>
Научная статья
УДК 821.161.1.09"19"

© 2023. А. Д. Ивинский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Всякая всячина», Тредиаковский и «Фенелон»

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода», <https://rscf.ru/project/23-18-00375/>

Аннотация: Статья посвящена анализу перевода В. К. Тредиаковского «Истинной политики знатных и благородных особ» (1737). Данный текст, авторство которого часто приписывалось Ф. Фенелону, повлиял на развитие русской литературной журналистики 1760–1770 гг. Мы показываем, что Екатерина II во «Всякой всячине», а вслед за ней и другие издания, выходявшие в то время, учитывали контекст французских трактатов *savoir vivre* и использовали их ключевые идеи. При этом именно Тредиаковский оказался одним из первых, кто еще в 1730 гг. понял их роль для оформления идеологии абсолютизма. Это позволяет пересмотреть репутацию Тредиаковского как жалкого «шута» или даже «дурака» русской литературы, труды которого оказались на обочине магистрального движения русской культуры.

Ключевые слова: Екатерина II, В. К. Тредиаковский, Ф. Фенелон, «Всякая всячина», перевод, журналистика, французские трактаты.

Информация об авторе: Александр Дмитриевич Ивинский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия

E-mail: ivinskij@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 10.04.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 12.05.2023

Дата публикации статьи: 25.06.2023

Для цитирования: Ивинский А. Д. «Всякая всячина», Тредиаковский и «Фенелон» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 2. С. 72–89. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-72-89>



This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 72–89. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 2, 2023, pp. 72–89. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Alexander D. Ivinskiy
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“All Sorts of Things,” Trediakovsky and “Fenelon”

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00375 “Russian literature: the problem of multilingualism and back translation” (<https://rscf.ru/project/23-18-00375/>).

Abstract: The article is devoted to the analysis of V. K. Trediakovsky’s translation of “The True Politics of Noble Persons.” This text, the authorship of which was often attributed to F. Fenelon, influenced the development of Russian literary journalism in 1760–1770s. We show that “All Sorts of Things” (“Vsiakaia Vsiachina”) and the other literary magazines used the key ideas of *savoir vivre* ideology. At the same time, it was Trediakovsky who was one of the first, back in 1730s, who understood their role in shaping the ideology of absolutism. The new facts and interpretations make it possible to reconsider Trediakovsky’s reputation as a pathetic “buffoon” or even a “fool” of Russian literature, whose works were on the sidelines of the main movement of Russian culture.

Keywords: Catherine II, V. K. Trediakovsky, F. Fenelon, “All sorts of things,” translation, journalism, French treatises.

Information about the author: Aleksandr D. Ivinskiy, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia

E-mail: ivinskij@gmail.com

Received: April 10, 2023

Approved after reviewing: May 12, 2023

Published: June 25, 2023

For citation: Ivinskiy, A. D. “‘All Sorts of Things,’ Trediakovsky and ‘Fenelon.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 2, 2023, pp. 72–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-2-72-89>

История литературных взаимоотношений Екатерины II и В. К. Тредиаковского до сих пор не написана, в ней много лакун, умолчаний или допущений. Так, например, сохраняет определенную актуальность концепция А. С. Орлова, который пространно рассуждал о конфликте отважного просветителя и власти, создавшей ему репутацию бездарного стихоплета [Орлов 1935: 5–55]. Позднее И. Рейфман проанализировала «репутацию» Тредиаковского — «неудачника» или даже «шута» [Болховитинов 1845: 221] — и показала поспешность интерпретаций, согласно которым произведения автора «Тилемахиды» остались на обочине магистральных процессов русской культуры [Рейфман 1990]. Действительно, процесс рецепции наследия Тредиаковского в екатерининскую эпоху не нужно упрощать. Мы уже показывали ранее, что Екатерина II, несмотря на все насмешки, активно использовала его труды для оформления своей исторической концепции [Ивинский 2012: 34–45].

Цель данной статьи — обсудить возможность уточнения наших представлений о месте Тредиаковского в культурной политике Екатерины II. В фокусе нашего внимания перевод Тредиаковского «Истинной политики знатных и благородных особ» [Истинная политика 1737], который, казалось бы, остался незамеченным современниками, но на самом деле значительно повлиял на развитие русской журналистики и литературы. Этот текст неоднократно переиздавался, при императрице Елизавете Петровне один раз (1745), в правление Екатерины II — не менее трех (1764, 1765, 1787), что, очевидно, свидетельствует о его востребованности у читающей публики и актуальности для культурной политики императрицы. Объясняется это и особым статусом произведения: под одной обложкой оказались собраны имена ключевых фигур русского и французского просвещения — Тредиаковского и Франсуа Фенелона. При этом сразу нужно отметить, что Фенелон не писал «Истинную политику» и текст был ему приписан по ошибке. Настоящий ее автор — Н. Р. де Кур (Nicolas Remond Des Cours, ум. в 1716 г.), который

напечатал трактат в Париже в 1692 г. (Cours 1692). Тредиаковский оговорил в предисловии к переводу, что не уверен в авторстве Фенелона, однако прозрачно на это намекнул, связав для нескольких поколений этот текст с прославленным философом:

Правила, которые вам, почтеннейший читатель, в сей малой книге предлагаются, сочинены и изданы впервые на французском языке. И хотя несравненный автор оных неведом, и токмо по некоторым обстоятельствам есть причина помышлять, что то славный оный Фенелон, архиепископ Комбрейский, бывший учитель детей короля французского <...> [Истинная политика 1737].

Перевод трактата, написанного учителем детей французского короля, возможно, проясняет претензии самого Тредиаковского на более значительную роль при русском дворе, чем та, которую он играл во второй половине 1730-х гг. Научить аристократов правилам *savoir vivre* и застолбить за собой роль одного из законодателей интеллектуальных мод — вот задача, которую ставил перед собой Тредиаковский [Успенский 2008].

Нам уже приходилось писать о зависимости «Всякой всячины» и — шире — русской литературной журналистики 1760–1770 гг. от французских учебников жизни в высшем свете: мы исходим из того, что периодические издания того времени не только и не столько «обличали нравы» или «боролись с властью», сколько конструировали идеологию и *modus vivendi* русского честного человека, который должен был стать частью нового имперского проекта Екатерины II [Ивинский 2015; 2017; 2019]. Перевод Тредиаковского в этом смысле не отличается какой-либо оригинальностью, напротив, он интересен именно как набор общих мест. Важна совсем не «новизна» идей, а факт конструирования языка для обсуждения этих идей. Тредиаковский показал, что на русском языке можно обсуждать идеологию *honnête homme*, и в этом контексте Екатерина II, запуская свой журнальный проект и претендуя на роль большого русского автора, вольно или невольно оказывалась его «наследницей». Ниже мы покажем, что в «Истинной политике» мы найдем практически все основные сюжеты, которые обсуждались журналистикой 1760–1770 гг.¹

¹ Мы ограничиваемся только самыми необходимыми ссылками на соответствующие места в русских журналах екатерининского времени и

Одна из важнейших идей де Кура — представление о дворе как особом мире, полном опасностей, вызовов и соблазнов. В одном месте жизнь аристократа сравнивается с театральным представлением, комедией:

Двор <...> подобен есть комедиям: любовь и славолюбие во всех на театрах представляемых действиях находятся, однако хитрости оных весьма различны: а герои и любовники оных комедий не все одним путем идут к получению своего желания. Так славолюбие, любовь и другие страсти пребывают всегда при дворе, но не таким способом ныне в них поступают, каким все поступали прежде сего. Не упоминая того, что нынешние люди искуснее и хитрее, еще следуют они при дворе и иным правилам. Итак, надлежит нам примечать обычаи, поступки и свойство нашего века, не для того, чтоб удовольствовались порочные наши страсти, но для того, чтоб лучше знать, как поступать с людьми и обращаться в делах, чтоб дознаваться о тайных побуждающих причинах, каковы могут иметь те особы, с которыми у нас дело; наконец, чтоб уведать, каким способом можно жить в согласии со всеми и исполнить свои намерения [Истинная политика 1737: 95–96].

В другом месте де Кур писал, что «двор долженствует почитаться за неприятельскую страну, в которой премножество сетей поставлено, чтоб нас уловить» [Истинная политика 1737: 164].

Чтобы выжить при дворе и добиться больших результатов, аристократ должен досконально знать все нюансы правильного поведения, в котором нет мелочей. Поэтому уже в третьем «правиле» де Кур рассуждал о пользе воспитания:

Дети без сомнения не правы, когда они не имеют к своим родителям должного почтения и послушания; но родители, которые не стараются о добром воспитании своих детей, еще и больше виноваты. Ибо можно сказать, что от воспитания происходит почти всегда счастье или несчастье в жизни. Злая природа изобильный есть источник всех пороков, буде нет прилежного тщания к исправлению оной и к превращению ее в добро.

указываем наши специальные работы, в которых эти вопросы уже подробно обсуждались.

<...> Мы часто видим, и чаще нежели желали, печальные следствия, которые происходят от худого воспитания. Молодой человек, будучи худо воспитан и не имея ни знания, ни достоинства, ни к какому делу не может быть годен: страсти, по которым он поступает, понуждая его к расточению своего имени и к погублению всего токмо для своего удовольствия, приводят его в презрение и в ненависть всему свету: непорядочное его житие всегда наводит на него печальные случаи, а иногда так сие далеко распространяется, что он вводит в бесславие всю фамилию и собственную свою честь погубляет навеки [Истинная политика 1737: 18–19]¹.

Здесь мы видим мысль, с которой уже встречались и еще встретимся вновь: честный человек должен подавлять свои страсти, обуздывать себя правильным воспитанием, в противном случае он обречен на поражение и в свете, и в частной жизни.

Воспитание и образование идут рука об руку: не раз де Кур подчеркивал, что аристократ должен изучать науки: «<...> великая есть утеха прилежать к наукам» [Истинная политика 1737: 21]. И далее: «... невозможно сомневаться, чтоб наука не была полезна знатному и благородному человеку...» [Истинная политика 1737: 21]. При этом изучение наук и самообразование не должны приводить к «гордости» и «высокомерию», честные люди не спорят, избегают любых крайностей, «горячности», это «неприлично»:

<...> однако не должно ему никогда неприличным образом величаться своею наукою, споровать с горячестью о всякой безделице, желать привести всех к своему мнению и говорить речью догматическою и повелительною: таковые поступки, грубым токмо учителям школьным приличные, безмерно не нравятся честным людям. Знание наук, украшающих разум, долженствует умягчать и очищать наши нравы, также вкоренять отчасу больше приятную в нас тихость и нелицемерное воздержание. Сие и видеть нам можно, что прямо ученые люди обыкновенно показывают много умеренности, смирения и благоразумного добронравия, ибо чем больше имеют они в себе просвещения, тем лучше знают они свои недостатки и должность [Истинная политика 1737: 28–29].

¹ Ср., напр.: [Всякая всячина 1769: 324–327; Полезное с приятным 1769. I: 5–9, 25–26; Трудолюбивый муравей 1771: 137–142].

Гордость — это фундаментальный вызов, с которым сталкивается аристократ: де Кур подчеркивает, что именно она приводит к «восстаниям» и междоусобицам:

Восстающие на своих государей напрасно обвиняют их насилием и тиранством: гордость, которая таковых ослепляет, препятствует им помышлять, что Бог повелевает нам повиноваться верховнейшим властителям, поставленным над нами, хотя бы они и в зло употребляли свою власть и силу, разве принуждали бы нас то делать, чего оный не повелевает; что гражданские законы всегда и везде обвиняют мятежные сопротивления, под каким бы они видом ни могли быть; и что, наконец, известно сие чрез искусство всех веков, что страшные напасти, которые приключаются от междоусобных браней и от замешательства подданных, без сравнения больше тех бывают, каковы не весьма справедливый государь принуждает иногда терпеть свой народ. <...> Но, о, благополучное то государство, в котором государь жалует своих подданных, как детей, а подданные почитают его, как отца! О, счастливая та держава, в которой самодержец печется токмо о благополучии своего народа, а народ старается, чтоб быть достойну того попечения, которое воспримлет для его собственной пользы! [Истинная политика 1737: 32–33, 34]¹.

Важнейшим для аристократа является «искусство нравиться», *l'art de plaire*, которое является ключом к успеху в свете. Де Кур писал о том, что дух нужно «умягчать», тогда «доброжелательство» и «добродетель» победят, а «искренность» откроет, казалось бы, закрытые двери:

Нет ничего полезнейшего в мирском обхождении, как уметь приходиться у всех в любовь. И поистине тот, кто который умеет склонять к себе сердца, не много таких дел предприимлет, в которых бы ему не удавалось, потому что везде он себе находит защитников и друзей. Но как войти в сердце, может быть, кто скажет? <...> честные и учтивые поступки особливим к тому способом служат: оные умягчают его дух, делая при том покорным и вкрадывающимся; оные не допускают нас досаждать другим; оные нас склоняют к согласию с их нравом и охотою, сколько должность позволить нам может: угождение и почтение, которые мы чрез оные имеем к тем, с которыми совокупно пребываем, приобретают нам у них доброжелатель-

¹ Ср., напр.: [Смесь 1769: 115].

ство. Искренность также служит много к получению нам дружбы и надежды на нас от тех, с которыми мы обходимся, только бы с сею добродетелию всегда неразлучны были доброе рассуждение и осторожность. Нрав, к благодеянию склонный, есть также неложный способ, чтоб войти в сердце, ибо когда человек прославится быть услужливым и добросклонным, то всяк чувствует охоту, чтоб его любить, прежде нежели он знает ему будет, а присутствие его то совершает, что его слава начала прежде. К сим средствам надлежит еще прибавить одно, в котором все выше помянутые некоторым способом заключаются, то есть: буде вы хотите любим быть от других, то извольте их прежде любить, показывать склонность и отдавать им почтение [Истинная политика 1737: 45–47].

Изучившие науки и впитавшие правила поведения могут называть себя «честными людьми». Де Кур, как и позднее Екатерина, подчеркивал, что аристократ должен доказать свою «профпригодность», а двор — это мир, в котором действуют, наравне с другими, принципы меритократии:

Лучше бы знатному и благородному человеку весьма лишиться своей жизни, нежели потерять свою честь чрез некоторое бесчестное или злое дело. Чем больше его порода знатна и высока, тем больше он виноват, ежели не будет подобен в добродетелях своим предкам. <...> Но что благородные люди выше почитаются подлых, сие бывает для того, понеже полагают, что они имеют достойные дарования своей высокой породы. Добрая совесть, щедрое великодушие, бодряя храбрость, нелицемерная верность к своему государю и совершенная ревность к общей пользе — такие знаки, которые должны разделять их от прочих. <...> пусть они (молодые люди. — А. И.) ведают, что в нынешнее время чрез нее (добрую славу. — А. И.) сыскивается милость в государе и производятся люди в высокие чины в армии и при дворе; она токмо прославляет во всяком человеке достоинство и приводит оное в честь повсюду; чрез нее токмо, наконец, сыскать себе можно истинных друзей и от всех приемлему быть приятно. Напротив того, бездельный и недобрый человек и который почитается за такового, везде бывает ненавидим и в презрении, все от него бегают, и никто не хочет с ним иметь дружбы. Такому не надлежит себе ожидать милости от государя или от какого министра: кого не любят, того редко производят и, следовательно, на него не надеются. Итак, нет надежды к получению милости

и к произведению себя в чины такому человеку, который живет бесчестно [Истинная политика 1737: 49–52].

Однако аристократ не может получить все нужные знания из книг, «обхождение с разумными людьми» довершат его образование и готовят к жизни при дворе:

Надлежит, дабы он (благородный человек. — А. И.) обхождение имел с самыми разумными людьми; также должно ему иметь и у себя искусного человека, который <...> научит его нечувствительно в дружеских разговорах всему тому, что разные сии знания заключают в себе изряднейшего и нужнейшего [Истинная политика 1737: 85–86].

Честный человек должен распоряжаться своим временем эффективно: изучение нового, чтение, рефлексия, нравственность — приводят к успеху при дворе; напротив, невежественных людей, которые стремятся только к роскоши и в результате живут «непорядочно», презирают:

Сие весьма известное есть средство, которое всякому может служить к наслаждению несколько спокойствием в сей жизни и к получению блаженства по смерти, когда кто на добро употребляет свое время. Для сего, кажется мне, должно чинить сие: надлежит упражняться в учении всякому по своему намерению и состоянию; читать с избранием и порядочно; размышлять благовременно; любить правду и во всем ей следовать. <...> Напротив того, все презирают таких, которые, убегая от честного и полезного труда, упражняются токмо в искании себе роскошей. Но как обыкновенно такие люди пребывают в глубоком незнании своих должностей и которые нимало не размышляют о себе самих, то нечувствительно приходят они в непорядочное житие, которое, испортивши их сердце, портит также и разум, и приводит их к нечестью и самовольству во мнениях, так что их жизнь из бесполезной, какова она была вначале, становится напоследок порочная и почти всегда бывает несчастливая [Истинная политика 1737: 70–71].

Думать, по мнению де Кура, нужно не только об эффективном распоряжении временем, но и деньгами: мотовство — один из главных недостатков современного дворянина:

Сие, всеконечно, есть нужно, чтоб равномерен был расход приходу, буде кто хочет содержать себя честно в свете. Весьма худо почитаются те люди, которые расточают свое имение и всегда окружены бывають заимодавцами. <...> Государь и его министры легко рассудить могут, что, кто не умеет хранить своего добра и порядочно исправлять домовные свои дела, тот не может охранять государственные пользы, командовать армиями или учредить добрый порядок в провинциях. От сего происходит, что расточающие весьма сверх своего прихода, чтоб удовольствовать некоторую господствующую страсть, как, например, охоту, излишнее украшение в одежде, пьянственное и непорядочное житие, игру в карты, не производятся ни в какой знатный чин <...> [Истинная политика 1737: 120–121]¹.

В другом месте де Кур подробно остановился на проблеме роскоши: стремление к ней, с его точки зрения, — это поведение неразумное, компрометирующее аристократа и приводящее к его бесчестью. Более того, отказ от принципов, ограничивающих человеческую природу, приводит к «животному», «скотскому» состоянию; отметим, что это одна из важнейших идей, которая проводилась в русской журналистике и литературе той эпохи (достаточно вспомнить фонвизинского Скотинина):

Есть такие люди, которые отдаются своим роскошам толь сильно, что они погуляют свое здравие, а иногда теряют и жизнь чрез непорядочное свое житие. <...> Как они могут назваться и разумными людьми, для того что в употреблении роскошей выходят из пределов, которые полагает им разум? Можно ль сказать, что они и человеки, понеже чрез свои поносные и чрезмерные непорядки самих себя в бесчестие и скотство приводят; а имея меньше воздержания, нежели все прочие животные, становятся некоторым способом ниже еще наипоследнейших скотов, которые ничего не делают сверх того, что им нужно к своему сохранению? Чтоб не впасть в толь странные и бесчестные непорядки, надлежит нам употреблять умеренно и без пристрастия оные роскоши, которые разум и божественный закон позволяют [Истинная политика 1737: 80–81].

¹ Ср., напр.: [Всякая всячина 1769: 81–82].

К теме «зверства» де Кур вернулся в правиле XLV, в котором он обличал ненависть и показывал, как она противоречит природе придворного:

Не хотящие упорно примириться с своими неприятелями объявляют о себе, что они мало имеют закона и что их природа походит на свирепых зверей, которых слепая ярость не может удовлетвориться, пока не растерзает всего попавшего себе животного. Ненависть редко входит в доброе сердце <...> [Истинная политика 1737: 130–131].

Кроме того, находим в «Истинной политике» уже знакомые нам насмешки над болтунами, которые не понимают, как они скучны и как «жить на свете». *Honnête homme* говорит мало, слушает других, относится к ним с уважением:

Все люди хотят показать себя в разговорах: тщатся они изъяснить весь свой разум и знание; итак, весьма они желают, чтоб их слушали. От сего происходит, что ежели вы мало говорите и будете внятно слушать других, что они говорят, то вы, конечно, им понравитесь. Кажется, что тот, кто говорит мало, ставит тех, с которыми он разговаривает, за незнающих, которых он научить хочет. Того ради говорливые люди всегда почитаются за таких, которые очень хорошее мнение о себе имеют. Всяк их прилежно обегает, потому что они утруждают долгими своими разговорами, частыми об одной вещи повторениями и скучными подробностями, в которые они вступают. Разумный человек и который знает, что то есть жить на свете, слушает со вниманием все, что ни говорят другие; сам он говорит мало, но всегда кстати и очень осторожно, а особливо о нежных и важных материях. Таковым способом, не объявляя своего мнения, разве собственное ему рассуждение присоветует и благопристойность к тому его принудит, уведомляется он о мнении других и познавает, какого состояния их разум; сверх того, убегают он от погрешений, в которые обыкновенно приходят такие люди, которые говорят много [Истинная политика 1737: 72–74].

Обличал де Кур и лицемерие — еще одно общее место литературной журналистики екатерининской эпохи:

Правило ХХІХ. Не иметь ни в чем притворности.

Всякая притворность не только не умножает блистания в красоте, но еще и уменьшает оные сияние и делает в наистатнейших особах вид несвободный, который никогда приятен не бывает [Истинная политика 1737: 92].

См. в другом месте:

<...> чрезмерное ласкание всегда им (принцам и знатым особам. — А. И.) не нравится: они презируют ласкателей, как людей подлого духа, от которых всякие непотребства чинятся без труда, когда видят след к своей пользе <...> [Истинная политика 1737: 62].

Отдельно остановимся на том, как де Кур трактовал остроумие. Он последовательно разграничил шутки, которые должны веселить окружающих, — это, с его точки зрения, презренное шутовство, недостойное знатного человека, и светское остроумие, учтивое и благопристойное:

<...> мне кажется, что привычка к шуткам не прилична есть знатному и благородному человеку. Надобно оставить подлым людям, чтоб они веселили компании. Ежели они нечто приятное говорят, то их повалют, а буде ни к чему годное, то над ними смеются: все ж сие никакой не имеет важности. Но знатные люди чрез породу или чрез достоинства унижают себя, когда они хотят шутить, и приходят в презрение тем, которые у них слушают. Должность сия очень подла и низка, чтоб смешить других, разве бы то могло быть по случаю и так, чтоб не казалось, что нарочно было искано увеселительное слово. Однако я не столь угрюмые жестокости, чтоб я хотел прогнать веселую забаву из общества знатных людей. Пусть они шутят, но чтоб шутка была никому не обидна и так же бы остроумна и благородна. Пусть увеселяют разговоры словами, исполненными живого жара и веселости, но чтоб оные слова всегда были приличны достоинству того, кто говорит, чтоб они были точны и нежны и чтоб никогда не повреждали ни учтивства, ни благопристойности [Истинная политика 1737: 105–106]¹.

Очевидно, что здесь мы видим один из источников представлений Екатерины II о «мягком» юморе, не нарушающем светских порядков.

¹ Ср., напр.: [Всякая всячина 1769: 32, 44].

К этому же примыкают рассуждения де Кура о насмешках и клевете, для него игнорирование приличий — это проявление «сатирического духа»:

Сие есть жесткое увеселение, которое имеют в досадной насмешке. Превеликое надлежит быть в том человеке злости, которому нравится терзать такими насмешками сердце тех людей, на которых он нападает, и радоваться, что он их привел в крайнее затруднение. Того ради закон, учтивство и благоразумие принуждают нас, чтоб мы не имели в наших беседах таких ядом растворенных разговоров, которые не только худы сами в себе, но еще могут иметь и весьма вредительные следствия. Клевета также чтоб не имела части в сообществах наших: сие есть незаконное нарушение верности, когда кто зло говорит о своих друзьях; сие есть прямая злость, когда кто хулит таких, до которых ему никакого нет дела, а сие есть великое бездельничество, когда кто клеветает на своих неприятелей. Не считая того, что особы, справедливо рассуждающие о вещах, не верят словам сатирического духа, еще и те сами, которых он обносит, платят ему дорого за увеселительные слова, которые он выговорил только для того, чтоб развеселить компанию. Клеветник иногда увеселяет, но всегда его боятся, и каждый его принимает за особливого себе неприятеля, потому что знают, что клевета не обходит никого и что самая чистая добродетель не может защититься от ее стрел [Истинная политика 1737: 125–126]¹.

«Сатира» оказывается в одном семантическом поле с такими словами, как «зло», «хула», «вредительные следствия», и противопоставлена «учтивству» и «благоразумию».

Напротив, аристократ должен избегать споров, отличаться умеренностью, снисходительностью и рассудительностью:

Правило XLIX. Удаляться от споров.

Причина всех споров долженствует быть познание правды, или сыскивая ее самую, или, нашедши оную, желая ее объявить другим. Но споримая

¹ Ср.: [Всякая всячина 1769: 401; Трутень 1769: 159–160, 175, 210, 254–255; Смесь 1769: 119, 132–133, 229–236, 319–320; И то и сию 1769. 24: 6–8; 45:2; Трутень 1769: 184; Адская почта 2013: 28–29, 115, 169–171, 200, 225–227; Полезное с приятным 1769. III: 21–22; Пустомеля 1770: 13; Вечера 1772: 40–41, 96–101 и мн. др.].

правда или бывает не весьма нужна, или противна склонностям тех, с какими людьми кто разговаривает, или не сходна с их застарелыми мнениями; буде сия правда есть не ведьма нужна, то на что столь споровать? для какой пользы в толикой жар приходить, чтоб ее вложить в их разум? не лучше ли иметь к ним разумное снисходительство, нежели не угодну быть оным чрез сопротивление, которое никакие не может учинить пользы? буде правда, к которой желается их привести, противна оных склонностям, то надобно стараться, чтоб им показать ту любезны, а чтоб возыметь в том успех, то тихость и учтивство весьма к тому нужны, спор и жар прений может все испортить, ибо сердце хочет быть приведено, а не принуждено. <...> Надобно наипаче нападать на такие затверделые мнения искусно, показывать им чрез твердые доводы, сколько есть худо их основание, и потом утверждать без пристрастия и с умеренностию правду противного своего мнения. Так то чинят знающие жить в свете, и таким-то способом ученые споры бывают полезны и приятны, буде найдутся упрямые люди и гневливые, то не надлежит с ними споровать: сие может их больше разгневать. В таком случае должно довольствоваться токмо познанием правды и сожалеть о тех, которые не хотят видеть сего света [Истинная политика 1737: 142–144]¹.

Таким образом, как мы уже указывали, во французских трактатах XVII в., в том числе в книге де Кура намечена парадигма так называемого «спора о характере сатиры» Екатерины II и Новикова [Ивинский 2017].

«Истинная политика» также регулировала внешний вид аристократов: как и в других случаях, ключ к успеху — умеренность. Просвещенный молодой человек должен быть опрятен, однако не впадать в гордыню, которая неминуемо приведет к мотовству и роскоши:

Правило XXXVII. О излишнем украшении в одежде и о чистоте оной.

<...> не надлежит честному человеку ходить гнусно. Однако великая есть разность в том, чтоб содержать себя чисто, и иметь превеликое старание о своей особе. Всяк долженствует пребывать в рассуждении сего в надлежащих пределах и смотреть на свои лета и состояние. <...> чинить чрезвычайные расходы на одежду, на уборы, на строение домов, на пиры,

¹ Ср., напр.: [Всякая всячина 1769: 45–46, 142].

на приборы, стараться превзойти других и сравниться в великолепии с принцами, то сие происходит от гордости и от такого притворства, которое недостойно твердого разума. Старающиеся показать себя толь недостойными труда вещами дать причину о себе думать, что они желают украсить малое свое достоинство чрез внешнее сияние [Истинная политика 1737: 112–113]¹.

Находим в произведении де Кура и более частные, но менее важные рекомендации, которые должны были помочь молодому человеку ориентироваться в свете и которые очевидным образом напоминают тексты «господина наставника», издателя «Всякой всячины». Так, например, правило LXX гласит: «Не быть скору в своих рассуждениях» [Истинная политика 1737: 191], а правило LXIV помогает разобраться с тем, как «поступать с неблагодарными» [Истинная политика 1737: 175], правило же XLII учит «уметь выбирать, с кем сходиться» [Истинная политика 1737: 123].

Итак, Тредиаковский, обратившись, как он думал, к трактату Фенелона, претендовал на то, чтобы сконструировать язык новой придворной культуры, сформулировать основные принципы поведения «честного человека». При этом ситуация оказывается до некоторой степени парадоксальной: влияние «Истинной политики» на идеологию и дискурс русской журналистики 1760–1780 гг. очевидно, но роль Тредиаковского остается второстепенной, непроявленной, незаметной. Впрочем, как мы уже указывали выше, это было для него типично: один из ключевых авторов эпохи, идеи и тексты которого оставались актуальны годы спустя после его смерти, как будто бы ушел в тень, освободив место писателям, репутация которых была менее скандальна, на четверть века предвосхитив не только проблематику, но и язык первого журнала, связанного с именем Екатерины II.

¹ Щеголи — излюбленный объект нападок русской журналистики, см., напр.: [Трутьев 1770: 42–44, 119, 191; Смесь 1769: 65–68; И то и сию 1769. 23: 6; Полезное с приятным 1769. V: 10–11; XI: 1–9].

Список литературы

Источники

- Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым. СПб.: Пушкинский дом, 2013. 478 с.
- Вечера: еженедельное издание на 1772 г. СПб: Тип. Академии наук, 1772. Ч. 1. 206 с.
- Всякая всячина. СПб.: Тип. Академии наук, 1769–1770. 502 с.
- И то и сию. СПб.: Тип. Морского кадетского корпуса, 1769. [180] с.
- Истинная политика знатных и благородных особ. СПб.: Печ. при Имп. Академии наук, 1737. 224 с.
- Полезное с приятным. СПб.: При Имп. Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, 1769. [390] с.
- Пустомеля: сатирический журнал [1770]. М.: В тип. С. Селивановского, 1858. 112 с.
- Смесь. СПб.: Тип. Академии наук, 1769. 320 с.
- Трудолюбивый муравей. СПб.: Тип. Академии наук, 1771. 204 с.
- Трутень. СПб.: Тип. Академии наук, 1769–1770. 284 + 136 с.
- Des Cours N.R. La véritable politique des personnes de qualité.* Paris: J. Boudot, 1692. 175 p.

Исследования

Евгений, митрополит. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М.: В ун-тской тип., 1845. Т. 1. 328 с.

Ивинский А. Д. Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 120 с.

Ивинский А. Д. Культурная политика Екатерины II: к вопросу о литературной позиции журнала «Всякая всячина» // *Slavia Orientalis*. 2015. Т. 64. № 2. С. 229–243.

Ивинский А. Д. «...мы не любим меланхоличных писем»: к вопросу о полемике Екатерины II и Н. И. Новикова в 1760–1770 гг. // *Бестиарий и чувства*. М.: Intrada, 2017. С. 174–182.

Ивинский А. Д. Журнал Екатерины II «Всякая всячина» и «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера // *Литературный процесс в России XVIII–XIX вв.: светская и духовная словесность*. М.: Наука, 2019. с. 155–180.

Орлов А. С. «Тилемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век: сб. ст. и материалов. М.; Л.: АН СССР, 1935. С. 5–55.

Успенский Б. А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. 612 с.

Reyftan I. Vasilii Trediakovsky. The Fool of the “New” Russian Literature. Stanford, Stanford University Press, 1990. 316 p.

References

Evgenii, mitropolit. *Slovar' russkikh svetskikh pisatelei, sootchestvennikov i chuzhestrantsev, pisavshikh v Rossii* [Dictionary of Russian Secular Writers, Compatriots and Foreigners Who Wrote in Russia], vol. 1. Moscow, V universitetskoi tipografii Publ., 1845. 328 p. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. *Literaturnaia politika Ekateriny II: "Sobesednik liubitelii rossiiskogo slova"* [The Literary Policy of Catherine II: "The Interlocutor of Lovers of the Russian Word"]. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom" Publ., 2012. 120 p. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "Kul'turnaia politika Ekateriny II: k voprosu o literaturnoi pozitsii zhurnala 'Vsiakaia vsiachina.'" ["Cultural Policy of Catherine II: On the Literary Position of the Magazine 'Vsyakaya Vsyachina.'"]. *Slavia Orientalis*, vol. 64, no. 2, 2015, pp. 229–243. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "'...my ne ljubim melankholicnykh pisem': k voprosu o polemike Ekateriny II i N. I. Novikova v 1760–1770 gg." ["...We do not Like Melancholic Letters': On the Controversy Between Catherine II and N. I. Novikov in 1760–1770s"]. *Bestiarii i chuvstva* [Bestiary and Feelings]. Moscow, Intrada Publ., pp. 174–182. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. "Zhurnal Ekateriny II 'Vsiakaia vsiachina' i 'Entsiklopediia' Didro i D'Alamberta" ["Catherine II's 'All Sorts of Things' Magazine and 'Encyclopedia' by Diderot and D'Alembert"]. *Literaturnyi protsess v Rossii XVIII–XIX vv.: svetskaia i dukhovnaia slovesnost'* [The Literary Process in Russia in the 18th–19th Centuries: Secular and Spiritual Literature]. Moscow, Nauka Publ., 2019, pp. 155–180. (In Russ.)

Orlov, A. S. "'Tilemakhida' V. K. Trediakovskogo" ["V. K. Trediakovsky's 'Tilemakhida.'"]. *XVIII vek: sbornik statei i materialov* [18th Century: Collection of Articles and Materials]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1935, pp. 5–55. (In Russ.)

Uspenskii, B. A. *Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [On Trediakovsky. Works on the History of the Russian Language and Russian Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2008. 612 p. (In Russ.)

Reyffman, Irina. *Vasilii Trediakovsky. The Fool of the "New" Russian Literature*. Stanford, Stanford University Press, 1990. 316 p. (In English)